

Глава 8. Сына воспитал

Прежде всего — одежда. Нужно подготовить её заранее.

Пусть сейчас было только начало лета, но стоит разойтись дождю — температура разом рухнет, и маленький человечек непременно простудится.

А вдруг заболит — что тогда? Не вести же его к лекарю? К тому же, кто знает, можно ли ему вообще принимать лекарства обратной...

Таотэ смотрел на это крохотное существо и видел в нём младенца — хрупкого, уязвимого, способного погибнуть от малейшей оплошности.

Чуть зазевался — и всё...

— Вкусно? — спросил он осторожно, не отводя взгляда.

Маленький человечек сглотнул. Его блестящие глаза часто-часто заморгали, голова закивала, и сквозь полный рот выдавилось что-то вроде:

— Фкуфно...

Настроение у Таотэ разом улучшилось. За невнятное произношение и куцую речь он Якоба великодушно простил.

— Ещё хочешь? — Он подцепил кусок свинины из своей миски и поднёс к самому лицу маленького.

Якоб оглянулся на горы еды, громоздившиеся рядом с ним, потом перевёл взгляд на кусок в палочках Таотэ, немного колебался — и всё же покачал головой.

— Мне столько не съесть.

С его точки зрения, один-единственный предмет из этой горы, которую преподнёс ему чудной великан, с лихвой хватило бы на два дня.

— Ладно... — Таотэ сам отправил содержимое палочек в рот и уставился на почти нетронутые батат со свининой. Вырвалось невольно: — Да ты совсем не привередлив. Вот уж кого легко прокормить.

Закончив с едой, он не позволил себе расслабиться — оставалось ещё одно дело.

Помыв посуду, Таотэ набрал в небольшую миску тёплой воды и отнёс в комнату. Поставил на стол, посмотрел на маленького человечка и спросил:

— Сам справишься или помочь?

Сытый Якоб явно приободрился. Он сидел на столе и без страха наблюдал за приближающейся огромной рукой — смотрел пристально, с нескрываемым любопытством.

— Купаться, — объяснил Таотэ.

Опасаясь, что тот не поймёт, он провёл ладонью по своей груди и кивком указал Якобу на жировые пятна у него на коже.

— Я сам, — с самым серьёзным видом произнёс маленький, поднялся и зашагал к большой миске в центре стола. Встав на цыпочки, ухватился обеими руками за край и заглянул внутрь.

Сначала осторожно тронул воду — крохотная ручонка коснулась поверхности и тут же отдёрнулась. Потом снова потянулась к воде.

Так несколько раз.

Наконец Якоб решился и попытался подтянуться на руках, перебраться через край.

Только вот миска сужалась книзу, а это делало задачу куда труднее, чем могло показаться. Он висел на краю, упирался ногами в стенку, пытаясь найти точку опоры, — и ничего не выходило.

Так и болтался над краем, и две маленькие бледные пятки раскачивались в воздухе — невыносимо умильное зрелище.

У Таотэ слегка заломило в голове. Предоставить маленькому действовать самостоятельно — и вода успеет остыть раньше, чем он вберётся. Но судя по тому, что он знал о Якобе, стоит полезть помогать без спроса — и этот гордец расплатится от уязвлённого самолюбия.

И ждать больше нельзя: вода уже остывает.

— Хм... может, всё-таки... помочь? — осторожно предложил Таотэ.

Якоб взглянул на него и промолчал.

—...— Не найдя другого выхода, Таотэ подвёл ладонь снизу и медленно поднял его.

Якоб почувствовал, как под ногами что-то изменилось. Глянул вниз в испуге — и обнаружил широкую тёплую ладонь Таотэ. Поднял голову, открыл было рот — но так ничего и не сказал.

Руки у него давно затекли и онемели от напряжения. Всё это время он держался исключительно на гордости — попросить о помощи самому было выше его сил.

Теперь, когда Таотэ помог сам, возражать было уже не с руки.

Оказавшись в миске, маленький вцепился одной рукой в стенку и не отпускал, а другой — намертво ухватился за мизинец Таотэ.

— Ты в порядке? — спросил тот.

Руку он убирать не спешил — боялся испугать.

Та недавняя история с тонущим Якобом стояла у него перед глазами, и Таотэ никак не мог взять в толк, что именно должно было случиться с человеком, чтобы этот маленький генерал, ещё недавно такой несокрушимый, оказался сломлен таким страхом.

Воды он нарочно налил немного — только восемь десятых миски — именно чтобы тот не захлебнулся. Но не ожидал, что вода, едва доходящая до груди, всё равно вгонит его в такой ужас.

— Я... я вовсе не боюсь, я просто... просто... просто дно скользкое... — голос у Якоба подрагивал. Его тонкие маленькие пальцы сжимали мизинец Таотэ так, что тот уже ощущал боль.

Якоб с торжественным видом кивнул — как будто именно так всё и обстояло.

— Подожди, принесу что-нибудь поровнее, — тихо сказал Таотэ, сдерживая улыбку. — Держись за край.

Он помог Якобу взяться обеими руками за стенку миски и рысью побежал на кухню, откуда вернулся с более широким и плоским блюдом. Налил тёплой воды, подстроил температуру.

Потом попытался двумя пальцами — большим и указательным — подхватить маленького и пересадить в новую ёмкость, как берут за загривок котёнка.

Только вот Якоб оказался тяжелее обычного. Таотэ посмотрел внимательнее — и увидел, что тот обеими руками вцепился в край старой миски, не думая отпускать.

— Что случилось? — Таотэ придвинулся ближе.

Якоб сидел, поджав губы, скукожившийся, с видом обиженным и несчастным.

До Таотэ тут же дошло: он умчался так внезапно, оставив маленького одного в этой миске-бассейне. Тот понял это по-своему.

— Я же вернулся, — торопливо объяснил он. — Я тебя здесь не бросал.

Он постарался придать лицу выражение полного раскаяния — но лицо у него было слишком большим, близость оказалась пугающей, и Якоб от неожиданности разжал руки.

Таотэ не упустил момента — и немедленно опустил его в новое блюдо.

Маленький взвился, как ошпаренный: подпрыгнул прямо из воды и вцепился в руку Таотэ всеми четырьмя конечностями сразу, намертво.

На двух пальцах обнаружился небольшой мягкий комочек — тёплый, крошечный, но на удивление сильный. Пальцы Таотэ уже гнулись под его хваткой.

— Ты в порядке? — Он явно недооценил степень ужаса маленького перед водой.

Глядя, как Якоб вжимается в его руку с видом человека, убеждённого, что стоит разжать руки — и он пойдёт ко дну, Таотэ почувствовал, как рука у него задрожала.

— Я... Этот генерал... этот генерал вовсе не боится, нет. Не думай, что этот генерал испугался, этот генерал совершенно не боится... — Якоб дрожал, зажмурившись, и с каждой секундой сжимал руку только крепче.

— Пф-хаха... — Таотэ не выдержал — вслед за рукой задрожало всё тело.

Якоб вспыхнул от злости и стыда. Он смотрел на Таотэ неотрывно — половина взгляда обида, половина страх. Губа торчала вперёд, и вид был совершенно жалкий.

Молчание. Просто смотрел.

—... Хаха... хах... всё, всё, больше не смеюсь. — Таотэ с большим трудом заставил смех улечься.

Это маленькое существо было невыносимо умильным — смех не унять никак.

Он сжал губы, давя хихиканье в зародыше, — открыто смеяться он больше не решался.

Чтобы занять себя, он нашарил рядом кусок кожи, намочил его и — работая вокруг маленького, намертво обхватившего его пальцы всеми четырьмя конечностями, — осторожно поднёс влажную кожу к спине Якоба и начал тихонько, бережно протирать ему кожу.

Давить он не смел: слишком мал, не вынесет.

Раньше, когда приходилось обтирать его без сознания, никакой реакции не было. В сознании — совсем другое дело.

Едва влажная кожа коснулась кожи, Таотэ тут же отвёл руку и замер, наблюдая.

Якоб лишь чуть нахмурился — и только. Убедившись, что всё в порядке, Таотэ возобновил движения, ещё осторожнее, и принялся неспешно протирать ему спину.

Когда спина была чиста, Таотэ долго уговаривал, хитрил и убеждал, пока Якоб наконец не согласился пересечь с его пальцев на ладонь. Лишь тогда он смог аккуратно заняться и передней частью.

На самом деле, разглядеть маленького ему до сих пор толком не удавалось. Когда только нашёл — тот лежал ничком из-за раны, видно было лишь ухо да щеку. Потом, когда пришёл в себя, не сидел ни секунды, и снова без возможности рассмотреть. Да и ростом Якоб был сантиметров семь — не разглядишь черт лица, если не наклониться вплотную. Купание оказалось неожиданно удобным поводом.

Когда с щёк сошла бататная каша, черты маленького начали проявляться по-настоящему.

Они были под стать самому Якобу — мелкие и точёные. Особенно глаза: влажно блестящие, большие — невозможно трогательные.

Нос тоже был прелестен: такой крошечный, что было не понять — вздёрнут или прямой, — но определённо миловидный: бледный, слегка выступающий, дёргавшийся всякий раз, когда тот шмыгал.

Но больше всего Таотэ удивило другое: маленький выглядел совсем не так, каким он его себе представлял.

Из-за крошечного роста, особенно тёмных блестящих глаз и привычки расстраиваться до слёз, Таотэ давно навесил на него ярлыки «хрупкий» и «милый».

Однако по правде всё обстояло иначе.

Да, мелкий и изящный, да, вечно обиженные гримасы — ребячество в полный рост. Но само лицо Якоба с понятием «милый» не имело ничего общего.

Этот нос, эти глаза, эти тонкие губы — в них жила властность. Если смотреть только на лицо, если увеличить его раз в сорок-пятьдесят — даже Таотэ пришлось бы признать: перед ним настоящий, чистокровный красавец-генерал.

Но на Якобе в его нынешнем виде всё это смотрелось несколько несуразно. Особенно в сочетании с торчащими губами и вечно обиженным видом...

Доволен ли он тем, что маленький оказался красив — или расстроен, Таотэ и сам не знал.

Хотя лёгкое волнение было: всё-таки крошечное существо совершенно другого народа, намного моложе его самого.

И вдруг — неожиданно, само собой — накатило ощущение, что он воспитал себе сына.

<http://bllate.org/book/20392/2131673>